

Там вдали

Пьеса

Перевод с английского и вступление Анны Гениной

Кэрил Черчилл по праву считается одной из ключевых фигур современной британской драматургии. Ее пьесы уже более двадцати лет с успехом идут по всему миру, ее диалоги приводят как образец драматургического мастерства на занятиях с начинающими авторами, она завоевала самые престижные театральные премии. Тем не менее в России имя Кэрил Черчилл знакомо пока лишь узкому кругу специалистов. В МХТ имени Чехова на Малой сцене идет одна из ее последних пьес “Количество” (“A Number”), да еще прошли несколько сценических чток других ее пьес — “Родня”, “Там вдали”, “Top Girls”. Журнал “Иностранная литература” впервые в России представляет Кэрил Черчилл читающей публике.

Кэрил Черчилл родилась 3 сентября 1938 года в Лондоне, детство провела в воспитом поэтами-романтиками Озерном краю и в Монреале; в Оксфордском

В 2004–2006 годах Британский совет проводил проект по представлению современной британской драматургии в России. В рамках проекта на конкурсной основе были отобраны 20 молодых переводчиков из Москвы, Петербурга, Новосибирска, Екатеринбурга, Саратова, Таганрога, Ярославля, Рязани и Перми, которые на протяжении двух лет под руководством Саши Дагдейл (переводы на английский Василия Сигарева, братьев Пресняковых и др.) и Татьяны Осколковой (переводы на русский Кэрил Черчилл, Сары Кейн, Марка Равенхилла и др.) переводили на русский язык пьесы ведущих современных британских драматургов. Кульминацией проекта стал фестиваль современной британской драматургии, прошедший в июне 2006 года в Москве. Фестиваль послужил своеобразным “катализатором” — многие российские театры (и не только столичные) заинтересовались переведенными пьесами: уже после фестиваля стали появляться новые переводы, в том числе и публикуемая в этом номере пьеса Кэрил Черчилл.

© Анна Генина. Перевод, 2007

Издательство “Новое литературное обозрение” в сотрудничестве с Британским советом готовит к публикации Антологию современной британской драматургии, которая должна выйти в свет летом–осенью 2007 года.

Редакция журнала благодарит Британский совет и издательство “НЛО” за поддержку данной публикации.

университете изучала английский язык и литературу. Ее первая пьеса, “Внизу”, была написана в студенческие годы, впервые поставлена в 1958 году и завоевала премию на студенческом театральном фестивале. Затем последовали пьесы для радио и для телевидения, а в 1972 году состоялась первая профессиональная театральная постановка — знаменитый лондонский “Ройял Корт”, центр современной драматургии, поставил пьесу Черчилл “Собственники”. В 1974—1975 годах Черчилл работает штатным драматургом “Ройял Корт”, а затем сотрудничает с такими известными театральными группами, как “Joint Stock” и “Monstrous Regiment”, написав целый ряд пьес, пользующихся признанием публики и критиков. Ее пьеса “Большие деньги” получила премию газеты “Ивнинг стандарт” в номинации “Лучшая комедия года” и премию Би-би-си имени Л. Оливье в номинации “Лучшая современная пьеса”. Престижные театральные премии получили также пьесы “Top Girls”, “Девятое облако” и “Фен”. В 2001 году Кэрил Черчилл была награждена премией, которая присуждается драматургам за многолетнюю успешную деятельность: Obie Sustained Achievements Prize.

Драматургию Кэрил Черчилл отличают интерес к животрепещущим социально-политическим проблемам и эксперименты с формой. Среди тем, которые исследуются в ее творчестве, сходство и антагонизм “родни” — англичан и американцев (“Родня”), роль денег в обществе (“Большие деньги”), взаимоотношения полов и плата за феминизм (“Девятое облако”, “Фен”, “Top Girls”), этические аспекты научного прогресса (“Количество”) и творчества (“Там вдали”). Но внешний сюжет занимает ее гораздо меньше, чем сюжет внутренних, интеллектуальный; неожиданные ходы и повороты в обсуждении темы оказываются не менее занимательными, чем событийные перипетии. Черчилл часто сознательно создает ситуацию исторического анахронизма, в ее пьесах встречаются герои, жившие в разные эпохи, в разных странах. Но такой парадоксальный подход к построению сюжета создает особое драматургическое напряжение. Каждое слово в ее пьесах продумано и взвешено, диалог отточен — опыт работы на радио, где драматургу и актерам не спрятаться за декорациями, костюмом и световыми эффектами, оказал влияние на все творчество Кэрил Черчилл.

Предлагаемая читателям журнала пьеса “Там вдали” была написана под непосредственным впечатлением от событий в Югославии, но в тексте нет никаких примет времени и места. Читатели и зрители могут сами домыслить географические и временные координаты — Германия или СССР 1930-х, Руанда 1970-х и 1990-х, Афганистан, Ирак, Чечня третьего тысячелетия от Рождества Христова... к сожалению, список можно продолжать долго.

Кажется, что человечество за всю многовековую историю вражды, войн и кровопролитий ничему не научилось, разве что уменью ненавидеть и убивать. Пьеса Кэрил Черчилл об этом. О том, что если мы не остановимся, не изменимся, не перестанем создавать нарядные шляпы для парада смертников, то жуткий и невероятный апокалипсис третьего акта станет для нас реальностью. И еще о том, что каждый из нас разделяет коллективную ответственность за происходящее, потому что когда-то перестал задавать вопросы, принял безумие мира за норму. Как говорит в своем последнем монологе Джоан: “Когда ты делаешь первый шаг (в воду), ты еще не знаешь, что произойдет потом. Но в любом случае ты уже по щиколотку в воде”.

На первый взгляд кажется, что пьеса обрывается на полуслове, что у нее нет финала. Но если мы вспомним, что внутренний сюжет для Кэрил Черчилл важнее внешней канвы, монолог Джоан прозвучит как открытый финал, как слабый проблеск надежды.

Очень хочется верить, что апокалипсис Кэрил Черчилл останется “там вдали”.

Действующие лица.

Джоан — молодая девушка

Харпер — ее тетя

Тодд — молодой человек

[172]

ИЛ 1/2007

Парад (сцена 2.5): пять человек недостаточно, двадцать лучше, чем десять.
Сто?

1.

Дом Харпер. Ночь.

Джоан. Не могу заснуть.

Харпер. На чужой кровати.

Джоан. Да нет, это мне даже нравится.

Харпер. Может, тебе холодно?

Джоан. Нет.

Харпер. Хочешь чего-нибудь выпить?

Джоан. Кажется, мне все-таки холодно.

Харпер. Это легко поправить. В шкафу есть еще одеяла.

Джоан. Уже поздно?

Харпер. Два.

Джоан. Ты собираешься ложиться?

Харпер. Хочешь выпить чего-нибудь горячего?

Джоан. Нет, спасибо.

Харпер. Тогда я пойду спать.

Джоан. Хорошо.

Харпер. Так всегда на новом месте. Поживешь здесь с недельку — помотришь на этот вечер совсем другими глазами.

Джоан. Я бывала в разных местах. Жила у друзей. Я не скучаю по родителям, не беспокоюсь.

Харпер. А по собаке скучаешь?

Джоан. Пожалуй, я скучаю по кошке.

Харпер. Она спит на твоей кровати?

Джоан. Нет, я ее сгоняю. Но она пробирается в комнату, если дверь неплотно закрыта. Кажется, что дверь захлопнулась, но там остается щелочка, и она ночью толкает дверь и открывает ее.

Харпер. Поди-ка сюда. Ты вся дрожишь. У тебя нет температуры?

Джоан. Нет, все в порядке.

ХАРПЕР. Ты просто очень устала. Иди спать. Я тоже ложусь.

ДЖОАН. Я выходила.

ХАРПЕР. Когда? Только что?

ДЖОАН. Только что.

ХАРПЕР. Ничего удивительного, что тебе холодно. Здесь днем жарко, а ночью холодно.

ДЖОАН. Звезды здесь ярче, чем дома.

ХАРПЕР. Это потому, что здесь нет уличного освещения.

ДЖОАН. Было не очень хорошо видно.

ХАРПЕР. Неудивительно. Как ты вышла? Я не слышала, чтобы дверь открывалась.

ДЖОАН. Я вышла через окно.

ХАРПЕР. Не сказала бы, что я в восторге.

ДЖОАН. Да нет, это не опасно, там крыша и дерево.

ХАРПЕР. Когда человек ложится спать, он должен находиться в постели. Ты и дома по крышам лазаешь?

ДЖОАН. Дома я не могу, потому что... нет, не лазаю.

ХАРПЕР. Я за тебя отвечаю.

ДЖОАН. Да, прости меня.

ХАРПЕР. Что ж, довольно приключений для одной ночи. Теперь ты заснешь. Иди ложись. Ты просто на ходу засыпаешь.

ДЖОАН. Я не просто так.

ХАРПЕР. Не просто так выходила?

ДЖОАН. Я слышала шум.

ХАРПЕР. Сова?

ДЖОАН. Крик.

ХАРПЕР. Это сова. Здесь столько разных птиц, даже золотистую иволгу можно увидеть. Люди сюда специально приезжают, чтобы за птицами понаблюдать, и мы иногда готовим для них чай или кофе или продаем воду в бутылках, потому что кофе здесь нет, а люди этого не знают и страдают от жажды. Ты утром увидишь, как здесь красиво.

ДЖОАН. Похоже было, что человек кричал.

ХАРПЕР. Уханье совы больше всего и похоже на крик человека.

ДЖОАН. Это человек кричал.

ХАРПЕР. Бедняжка, как ты, верно, напугалась, когда услышала, как кто-то кричит. Надо было сразу спуститься сюда ко мне.

ДЖОАН. Я хотела посмотреть.

ХАРПЕР. Но было темно.

Джоан. Да, но я увидела.

ХАРПЕР. Ну и что, по-твоему, ты увидела в темноте?

Джоан. Я увидела дядю.

ХАРПЕР. Вполне возможно. Он любит подышать свежим воздухом. Это не он кричал, надеюсь?

Джоан. Нет.

ХАРПЕР. Тогда все в порядке. Ты с ним заговорила? Боялась, наверное, что он спросит, почему ты не спишь так поздно?

Джоан. Нет, я была на дереве.

ХАРПЕР. Он тебя не видел?

Джоан. Нет.

ХАРПЕР. То-то он удивится, да он смеяться будет до упаду, когда услышит, что ты была на дереве. Он рассердится, но не всерьез, он решит, что это хорошая шутка, он и сам такое вытворял, когда был мальчишкой. Ну, пора спать. Я тоже иду.

Джоан. Он кого-то толкал. Он заталкивал кого-то в сарай.

ХАРПЕР. Он, верно, заталкивал в сарай большой мешок. Он работает допоздна.

Джоан. Я не уверена, что это была женщина. Это мог быть и юноша.

ХАРПЕР. Знаешь, скажу тебе... когда ты столько лет замужем... У людей есть свои привычки, это нормально, в этом нет ничего плохого, это его друзья, у твоего дяди была небольшая вечеринка.

Джоан. Вечеринка?

ХАРПЕР. Просто небольшая вечеринка.

Джоан. Да, там было несколько человек.

ХАРПЕР. Да, несколько его друзей.

Джоан. И грузовик.

ХАРПЕР. Вполне возможно.

Джоан. Когда я приложила ухо к борту грузовика, я услышала плач.

ХАРПЕР. Как ты могла это услышать, ты же была на дереве.

Джоан. Я слезла с дерева. Подошла к грузовику, а потом заглянула в окно сарая.

ХАРПЕР. Не надо совать нос куда попало, когда ты в гостях.

Джоан. Да, лучше бы я этого не видела. Прости.

ХАРПЕР. Тебя никто не видел?

Джоан. Им было не до меня.

ХАРПЕР. Хорошо, что тебя никто не видел.

ДЖОАН. Если это была вечеринка, почему там было столько крови?

ХАРПЕР. Нет там никакой крови.

ДЖОАН. Есть.

ХАРПЕР. Где?

ДЖОАН. На земле.

ХАРПЕР. В темноте? Что ты могла увидеть в темноте?

ДЖОАН. Я на нее наступила. (*Приподнимает босую ногу.*) Я почти все оттерла.

ХАРПЕР. А, это там, где днем собака попала под машину.

ДЖОАН. А разве кровь бы не высохла?

ХАРПЕР. Нет, потому что земля сырая.

ДЖОАН. Какая собака?

ХАРПЕР. Большая собака, большая дворняга.

ДЖОАН. Ужас какой, ты, наверное, очень расстроилась, она у тебя долго была?

ХАРПЕР. Нет, она была молодая, вечно убегала, никогда не слушалась, грузовик подавал назад...

ДЖОАН. Как ее звали?

ХАРПЕР. Флэш.

ДЖОАН. Какого она была цвета?

ХАРПЕР. Черная, с белыми пятнами.

ДЖОАН. А почему в сарае были дети?

ХАРПЕР. Какие дети?

ДЖОАН. Разве ты не знаешь, какие дети?

ХАРПЕР. Как ты увидела, что там были дети?

ДЖОАН. Там горел свет. Поэтому я увидела кровь в сарае. Я могла разглядеть лица, и на некоторых была кровь.

ХАРПЕР. Ты узнала чужую тайну. Ты понимаешь это?

ДЖОАН. Да.

ХАРПЕР. Что-то, чего ты не должна знать.

ДЖОАН. Да, прости.

ХАРПЕР. Что-то, о чем ты не должна рассказывать. Потому что, если расскажешь, жизнь людей окажется под угрозой.

ДЖОАН. Почему? Кто им угрожает? Мой дядя?

ХАРПЕР. Конечно не твой дядя.

ДЖОАН. Ты?

ХАРПЕР. Конечно не я, думай что говоришь. Ладно, я тебе расскажу все как есть. Твой дядя помогает этим людям. Он помогает им бежать, прячет их. Некоторые из них еще оставались в грузовике, и поэтому они плакали. Твой дядя переведет всех в сарай, и с ними все будет в порядке.

Джоан. У них лица были в крови.

ХАРПЕР. Это от того, что с ними случилось раньше. Потому что на них напали те люди, от которых твой дядя их спасает.

Джоан. Там была кровь на полу.

ХАРПЕР. Один из них был тяжело ранен, но твой дядя перевязал его.

Джоан. Он им помогает.

ХАРПЕР. Разумеется.

Джоан. Не было никакой собаки. Не было вечеринки.

ХАРПЕР. Нет, но теперь я говорю тебе правду. Ты не должна об этом рассказывать, иначе ты поставишь под угрозу жизнь твоего дяди, и мою, и свою тоже. Ты не должна ничего рассказывать, даже родителям.

Джоан. Зачем вы меня пригласили, если у вас тут такие тайны?

ХАРПЕР. Грузовик должен был приехать вчера. Пока ты здесь, такое больше не повторится.

Джоан. Теперь можно, ведь я все равно знаю. Не надо из-за меня ничего менять. Я могла бы помочь дяде ухаживать за людьми в сарае.

ХАРПЕР. Нет, он должен это делать сам. Но спасибо за предложение, очень любезно с твоей стороны. Ну а теперь, после всех волнений, может, пойдешь спать?

Джоан. Почему дядя их бил?

ХАРПЕР. Кого бил?

Джоан. Он бил мужчину, палкой. Железной. Он ударил ребенка.

ХАРПЕР. Один из тех людей в грузовике был предателем. На самом деле он не был одним из них, он только притворялся, он хотел их выдать, они его уличили и сказали твоему дяде. Тогда тот человек напал на твоего дядю, напал на других людей, твоему дяде пришлось с ним драться.

Джоан. Вот почему там было столько крови.

ХАРПЕР. Да, так было нужно, чтобы спасти остальных.

Джоан. Он ударил ребенка.

ХАРПЕР. Наверное, это был ребенок предателя. А бывают такие гадкие дети, которые предают даже своих родителей.

Джоан. Что с ними будет?

ХАРПЕР. Рано утром грузовик увезет их.

Джоан. Куда?

ХАРПЕР. Туда, где их спрячут. Зачем тебе лишние тайны?

Джоан. Он бил только предателей?

ХАРПЕР. Конечно. Неудивительно, что ты не можешь заснуть, как не расстроиться, увидев такое. Но теперь ты понимаешь, что все не так плохо. Ты стала участником движения за лучшее устройство мира. Ты можешь этим гордиться. Ты можешь смотреть на звезды и думать: вот мы, песчинка во Вселенной, и я на стороне людей, которые хотят добра, — и ты почувствуешь, как твоя душа устремляется к небесам.

Джоан. Я могу чем-то помочь?

ХАРПЕР. Поможешь мне утром с уборкой. Хорошо?

Джоан. Да.

ХАРПЕР. А сейчас иди-ка спать.

2.

Несколько лет спустя. Шляпная мастерская.

1.

Джоан и Тодд сидят на рабочих скамеечках. Каждый только что начал работу над шляпой.

Тодд. Тут полно голубого.

Джоан. Пожалуй, я начну с черного.

Тодд. Цветные смотрятся выигрышнее.

Джоан. Цвет будет, я просто начинаю с черного, чтобы оттенить цветное.

Тодд. На прошлой неделе я сделал шляпу, это была абстрактная картинка улицы, голубой цвет — автобусы, желтый — дома, красный — листья, серый — небо. Никто не догадался, но я-то знал что к чему. Не так уж много в жизни радостей.

Джоан. Разве тебе здесь не нравится?

Тодд. Ты ведь новенькая, да?

Джоан. Это моя первая шляпа. Моя первая профессиональная шляпа.

Тодд. Ты изучала шляпное дело в университете?

Джоан. Моя дипломная шляпа была в форме жирафа два метра высотой.

Тодд. За неделю такую не сделаешь.

Джоан. Я знаю.

Тодд. Раньше нам давали две недели на подготовку к параду, потом урезали до одной, а теперь поговаривают, что сократят еще на один день.

Джоан. Значит, у нас будет лишняя выходной?

Тодд. Значит, нам меньше заплатят. И мы не сможем делать такие же классные шляпы.

Джоан. А разве так можно?

[178]

ИЛ 1/2007

Тодд. Будешь спорить, да?

Джоан. Я же только начала.

Тодд. Ты скоро поймешь, что тут не все гладко.

Джоан. А я думала, что мне повезло с этим местом.

Тодд. Так и есть. Ты знаешь, куда пойти пообедать?

Джоан. Наверное, здесь есть столовая?

Тодд. Да. Но мы туда не ходим. Я тебе покажу, где мы едим.

2.

День спустя. Они работают над шляпами, которые гораздо богаче украшены, то есть те, над которыми они работали в предыдущей сцене, надо заметить на новые, которые гораздо ближе к завершению.

Джоан. Твоя очередь.

Тодд. Я плаваю в реке перед работой.

Джоан. А это не опасно?

Тодд. Твоя очередь.

Джоан. Я получила удостоверение летчика.

Тодд. Я до четырех утра смотрю судебные процессы и пью перно.

Джоан. Я скоро получу комнату в подzemке.

Тодд. У меня есть собственное жилье.

Джоан. Правда?

Тодд. Хочешь посмотреть? Уже почти готово.

Джоан. Я не понимаю твой стиль, но перья мне нравятся.

Тодд. Я не слишком стараюсь. Я здесь уже давно.

Джоан. Собираешься уйти?

Тодд. Моя очередь. Что-то не так с нашими заказами.

Джоан. Но нам нужны заказы.

Тодд. А если мы их не заслуживаем? Если наши шляпы вовсе не самые лучшие?

Джоан. Что же на самом деле происходит?

Тодд. Одно тебе скажу: кое у кого есть шурин. Знаешь, где он работает?

Джоан. Где?

Тодд. Я об этом здесь говорить не стану. Расскажи мне что-нибудь еще.

Джоан. Мне не нравится сидеть допоздна и смотреть процессы.

Тодд. Я смотрю их по ночам, после того как возвращаюсь.

Джоан. Откуда возвращаешься?

Тодд. А откуда бы тебе хотелось?

3.

День спустя. Они работают над шляпами, которые становятся очень большими и экстравагантными.

Тодд. Мне не нравятся шляпы в виде животных.

Джоан. Я была студенткой.

Тодд. Абстрактные шляпы снова в моде.

Джоан. Мне всегда нравились абстрактные шляпы.

Тодд. Ты, наверное, пропустила время, когда все их ненавидели.

Джоан. Это, наверное, было до меня.

Молчание. Они продолжают работать.

Джоан. Знаешь, ты все время говоришь об этом, и я не понимаю, почему ты не предпримешь что-нибудь.

Тодд. Ты здесь всего третий день.

Джоан. Руководство погрязло в коррупции — так ты мне сказал. Нам слишком мало платят — так ты мне сказал.

Молчание. Они продолжают работать.

Тодд. Слишком много зеленого.

Джоан. Так и задумано, чтобы его было слишком много.

Молчание. Они продолжают работать.

Тодд. Я заметил, что ты смотрела на шляпу того блондинчика. Надеюсь, ты ему сказала, что идея не нова.

Молчание. Они продолжают работать.

Тодд. Я здесь единственный человек, у которого есть моральные принципы, и не говори мне, что я должен что-то предпринять, я целыми днями думаю, что предпринять.

Джоан. Может, что-нибудь и придумаешь.

Молчание. Они продолжают работать.

День спустя. Они работают над шляпами, которые стали огромными и нелепыми.

[180]

ил. 1/2007

Тодд. Она прекрасна.

Джоан. Тебе нравится?

Тодд. Нравится.

Джоан. Мне твоя тоже нравится.

Тодд. Ты не обязана меня хвалить. Она не из лучших.

Джоан. Нет. В ней есть — как бы это сказать? — это уверенная в себе шляпа.

Тодд. Я готовлю парады вот уже шесть лет. Я заслуженный, опытный мастер. И когда я пойду говорить с тем человеком, он может прислушаться.

Джоан. Ты собираешься с ним говорить?

Тодд. У меня назначена встреча после смены.

Джоан. Ты можешь потерять работу.

Тодд. Могу.

Джоан. Я восхищена.

Тодд. На это и рассчитано.

Джоан. Ты скажешь про шурина?

Тодд. Сначала я скажу о деньгах. Потом упомяну шурина. У меня есть друг, он журналист.

Джоан. Ты скажешь про журналиста?

Тодд. Я могу как-то намекнуть, не упоминая журналиста. Возможно, будет лучше, чтобы он не видел связи между мной и журналистом.

Джоан. Но он будет подозревать.

Тодд. Пусть подозревает. Вот только, если я потеряю работу...

Джоан. Что же?

Тодд. Я буду скучать по тебе.

Джоан. Уже?

День спустя. Процессия оборванных, избитых заключенных в цепях движется к месту казни. У каждого на голове шляпа. Готовые шляпы еще огромнее и нелепее, чем в предыдущей сцене.

Неделю спустя. Джоан и Тодд начинают работу над новыми шляпами.

Джоан. Я все еще не могу в это поверить.

Тодд. Никому раньше не удавалось победить за первую неделю работы.

Джоан. Теперь все будет казаться неудачей.

Тодд. Ты же не можешь выигрывать каждую неделю.

Джоан. Я это и имела в виду.

Тодд. Но пока ты здесь работаешь, ты будешь делать фантастические шляпы.

Джоан. Иногда мне жаль, что их не хранят.

Тодд. Их было бы слишком много, что с ними делать?

Джоан. Их можно снова использовать.

Тодд. Точно, и мы останемся без работы.

Джоан. Так жаль, что их сжигают вместе с телами.

Тодд. А я считаю, что это здорово. Шляпы эфемерны. Это как метафора чего-то.

Джоан. Может, жизни?

Тодд. Ну да, вот именно жизни. Из примерно трехсот шляп, что я здесь сделал, только три выиграла и попали в музей. Но меня это не слишком беспокоило. Ты творишь красоту, и она исчезает, мне это нравится.

Джоан. Ты такой...

Тодд. Какой?

Джоан. Ты заставляешь меня думать иначе. Вот я никогда не задумывалась о том, как здесь все устроено, а сейчас я вижу, как это важно.

Тодд. Я думаю, мои моральные принципы произвели на него впечатление.

Джоан. Повтори мне в точности, что он сказал в конце.

Тодд. "Об этом стоит подумать".

Джоан. Звучит обнадеживающе.

Тодд. Это может означать, что он подумает, как от меня избавиться.

Джоан. Потрясающая форма для новой шляпы.

Тодд. Это новая идея. Ты меня вдохновляешь.

Джоан. Есть еще журналист. Если он копнет поглубже, мы сможем показать коррумпированную финансовую структуру, на которой держится шляпная индустрия, а не только это место; я уверена, что вся индустрия с душком.

Тодд. Ты так думаешь?

Джоан. Я думаю, мы должны выяснить.

Тодд. Ты изменила мою жизнь, ты понимаешь это?

Джоан. Если ты потеряешь работу, я уволюсь.

Тодд. Мы можем не найти другой работы со шляпами.

Джоан. Есть и другие парады.

Тодд. Но мне кажется, что ты шляпный гений.

Джоан. Если только все парады не коррумпированы.

Тодд. Мне нравятся эти бусинки. Используй бусинки.

Джоан. Нет, ты возьми их.

Тодд. Нет, ты.

3.

Несколько лет спустя. Дом Харпер, день.

ХАРПЕР. Ты правильно сделал, что отравил ос.

Тодд. Да, я думаю, всех ос надо уничтожить.

ХАРПЕР. Я вчера выходила, и, когда была на опушке леса, будто тень легла на землю — это была туча бабочек, и они сели прямо за мной, и все деревья и кусты стали красными — так много их было. Две бабочки сели мне на руку, я перепугалась, одна запуталась у меня в волосах, но мне удалось их раздавить.

Тодд. У меня нет проблем с бабочками.

ХАРПЕР. Они могут облепить лицо. Римляне кончали жизнь самоубийством с помощью сусального золота, они засовывали листочек золота в горло и перекрывали трахею, я считаю, с бабочками такое тоже возможно.

Тодд. Я проходил мимо сада, там паслись лошади, и неожиданно осы ринулись на них с яблонь. Лошади неслись галопом и ржали от боли, у каждой голова как осиный рой. Хорошо бы она проснулась.

ХАРПЕР. Мы не знаем, сколько времени она шла.

Тодд. Она правильно сделала, что пришла.

ХАРПЕР. Нельзя уходить вот так запросто, когда идет война.

Тодд. Можно, если нужно спастись.

ХАРПЕР. А ей надо было спастись?

Тодд. Она должна была добраться до безопасного места для перегруппировки.

ХАРПЕР. Разве это безопасное место?

ТОДД. Да, относительно безопасное. Все думают, что это просто дом.

ХАРПЕР. Коты вступили в войну на стороне французов.

ТОДД. Никогда не любил котов, от них пахнет, они царапаются, они тебя любят только потому, что ты их кормишь, они кусаются, у меня был кот, который так и норовил тебя цапнуть.

ХАРПЕР. Ты знаешь, что они убивают младенцев?

ТОДД. Где?

ХАРПЕР. В Китае. Они запрыгивают в колыбельки, когда никто не видит.

ТОДД. Но некоторые коты все же ничего.

ХАРПЕР. Не думаю.

ТОДД. Я знаю одного кота по соседству.

ХАРПЕР. Ты бы с этим поаккуратнее.

ТОДД. Но французы ведь не то чтобы наши враги. Это же не марокканцы или там муравьи.

ХАРПЕР. Не канадцы, не венесуэльцы и не комары.

ТОДД. Не инженеры, повара, дети до пяти лет, музыканты.

ХАРПЕР. Торговцы машинами.

ТОДД. Португальские торговцы машинами.

ХАРПЕР. Русские пловцы.

ТОДД. Таиландские мясники.

ХАРПЕР. Латышские стоматологи.

ТОДД. Нет, латышские стоматологи неплохо работают на Кубе. У них там дом недалеко от Гаваны.

ХАРПЕР. Но Латвия посылает свиней в Швецию. Стоматологи связаны с международной стоматомафией, вот кому они на самом деле преданы, стоматологам из Дар-эс-Салама.

ТОДД. Мы не обсуждаем Дар-эс-Салам.

ХАРПЕР. Ты что, хочешь оправдать резню в Дар-эс-Саламе? Она пришла сюда, потому что ты в отпуске, и если кто-нибудь узнает, я буду виновата.

ТОДД. Это же только до завтра. Я ее разбужу. Через несколько минут.

ХАРПЕР. Ты видел передачу про крокодилов?

ТОДД. Да, но крокодилы — как они ухаживают за своими детенышами и носят их к воде в своей пасти!

ХАРПЕР. Кто угодно будет помогать своим детям.

Тодд. Я просто хочу сказать, что я был бы не против иметь крокодилов на стороне наших союзников. Слушай, их же не остановить.

ХАРПЕР. Крокодилы — это зло, и противостоять крокодилам — это всегда правильно. Их кожа, их зубы, отвратительный запах тухлого мяса из пасти. Крокодилы поджидают, когда зебры начнут переходить через реку, разевают свои пасти, хватают слабых и утягивают их на дно. Крокодилы по ночам нападают на деревни и утаскивают детей прямо из постелей. Крокодилы поедают своих врагов медленно, откусывая сначала ступни, потом лодыжки, колени, добираются до гениталий, а если они торопятся, то идут по городу, откусывая головы. Крокодил может тащить дюжину голов так же бережно, как он переносит своих детенышей; утащит обратно к реке, и они будут качаться на воде, как трофеи, пока не сгниют.

Тодд. Я просто хотел сказать, что мы могли бы их использовать.

ХАРПЕР. А эти милые пушистые водоплавающие птички, самая маленькая всегда отстает и кричит: “Подождите, подождите”, — и это так опасно, потому что их могут съесть. И их мать готова пожертвовать собой, чтобы спасти их.

Тодд. А дикие утки к ним относятся?

ХАРПЕР. Дикие утки вовсе не относятся к хорошим водоплавающим птицам. Все селезни насильники, и они на стороне слонов и корейцев. А крокодилы всегда зло.

Тодд. Как ты думаешь, разбудить ее или дать ей поспать? У нас совсем не будет времени, чтобы побыть вместе.

ХАРПЕР. Ты согласен со мной насчет крокодилов?

Тодд. В чем дело? Ты что, не знаешь, на чьей я стороне?

ХАРПЕР. Я не знаю, что у тебя на уме.

Тодд. У меня на уме то же, что у всех нас.

ХАРПЕР. Или возьми оленей.

Тодд. Ты имеешь в виду милых малышек бэмби?

ХАРПЕР. Это была ирония?

Тодд. Это был сарказм.

ХАРПЕР. Потому что они вырываются из лесов, скатываются с гор и терроризируют торговые центры. Если самкам удастся убежать, когда в них стреляешь, они нападают на кого-то еще и топчут их своими страшными глянцевыми копытами, оленята путаются под ногами у покупателей, и те падают с эскалаторов, молодые самцы врезаются в стеклянные витрины...

Тодд. Меня не надо учить ненависти к оленям.

ХАРПЕР. ...а старые, ты знаешь, какие тяжелые у них рога, какие острые, когда они врываются в толпу подростков, удирающих по улице?

Тодд. Да, я это знаю. (*Он задирает рубашку и показывает шрам.*)

ХАРПЕР. Это был олень?

Тодд. Вообще-то это был медведь. Мне не нравится, когда во мне сомневаются.

ХАРПЕР. Это было, когда слоны пошли войной на голландцев, я всегда доверяла слонам.

Тодд. Я стрелял в коров и детей в Эфиопии. Я травил газом объединенные войска испанцев, программистов и собак. Я голыми руками разрывал на части скворцов. И мне нравилось делать это голыми руками, я был точно в лихорадке, когда мои руки были в крови и перьях, я мог это делать целый день, это было лучше, чем секс. Так что не надо говорить, что на меня нельзя положиться.

ХАРПЕР. Я не отрицаю, что ты умеешь убивать.

Тодд. Я знаю, что это не только восторг. Я выполнял скучную работу. Я работал на бойне, забывая свиней и музыкантов, к концу дня спина болит, а перед глазами только люди, подвешенные за ноги.

ХАРПЕР. Так ты считаешь, что олени — зло?

Тодд. Мы это уже проехали.

ХАРПЕР. И если голодный олень придет сюда во двор, ты его не покормишь?

Тодд. Конечно, нет.

ХАРПЕР. Как же так, ведь олени за нас? Вот уже три недели.

Тодд. Я не знал. Ты сама говорила.

ХАРПЕР. Их природная доброта стала явной. Достаточно посмотреть в их кроткие карие глаза.

Тодд. Это хорошая новость.

ХАРПЕР. Ты ненавидишь оленей. Ты обожаешь крокодилов.

Тодд. Я запутался, потому что очень устал.

ХАРПЕР. Ты должен уйти.

Тодд. Я же не чужой.

ХАРПЕР. Думаешь, я могу заснуть?

Джоан выходит и попадает в объятия Тодда.

ХАРПЕР. Ты не можешь здесь оставаться, они придут за тобой. Что ты скажешь, когда вернешься, что ты сбежала, чтобы провести день со своим мужем? У всех есть кто-то, кого они любят и хотят повиждать, и уж, во всяком случае, они скорее повидают их, чем будут лежать в какой-то дыре и ждать, пока их искушают муравьи. Или ты вообще не собираешься возвращаться, потому что если так, то лучше бы ты застрелила меня прямо сейчас? Кто-нибудь видел, как ты уходила? Какой дорогой ты пришла? За тобой следили?

Здесь орланы могли видеть, как ты пришла сюда. И ты рискуешь жизнью, сама не зная ради чего, ведь он говорит неправильные вещи. Разве тебе все равно? Может, ты не умеешь отличить добро от зла, что я знаю о тебе; два года прошло, я должна бы радоваться тебе, но как?

Джоан. Конечно, птицы видели меня, все видели, как я шла, но никто не знал зачем, я могла выполнять задание, все куда-то идут, и никто не знает зачем, и, кстати, я убила двух котов и ребенка до пяти лет, так что это вполне может сойти за задание, и я не понимаю, почему я не могу уйти на день и вернуться, потом я пойду до конца. И я не так боялась птиц, как погоды, погода тут на стороне японцев. В горах были грозы, я шла через селения, в которых прежде не бывала. У крыс кровь идет из горла и ушей, и это хорошо, и так же сочилась кровь у девочек вдоль дороги. Это было так утомительно, потому что все было призвано на службу, там тела лежали штабелями, и если ты спрашивал, один был убит булавками, другой – кофе, они были убиты героином, бензином, бензопилой, лаком для волос, отбеливателем, наперстянкой, и пахло дымом там, где мы жгли траву, которая не желала служить. Боливийцы занимаются гравитацией, это секрет, чтобы не сеять панику. Но мы продвинулись с шумом, и тысячи погибли от света в Мадагаскаре. Кто мобилизует темноту и молчание? Вот о чем я думала по ночам. На третий день я с трудом могла идти, но я спустилась к реке. Там был лагерь чилийских солдат, выше по течению, но они меня не видели, и четырнадцать черно-белых коров пришли на водопой ниже по течению, так что я понимала, что мне придется пересечь реку там, где я была. Но я не знала, на чьей стороне река, поможет ли она мне плыть или утопит меня. Течение на середине было намного быстрее, вода была коричневой, я не понимала, значит ли это что-нибудь. Я долго стояла на берегу. Но я знала, что только так я могу попасть сюда, так что в конце концов я одной ногой ступила в воду. Она была очень холодной, и больше ничего. Когда ты делаешь первый шаг, ты еще не знаешь, что произойдет потом. Но в любом случае ты уже пощиколотку в воде.